

Анатолий Абрамович Аграновский (1922-1984)

«...весь наш долгий двадцатый век родил только
двоих сравнимых, хотя и очень разных
журналистов: первая половина — Кольцов, вторая
— Аграновский»

(Новая газета.15 апреля 2004)

Существенные факты жизни (1922-1984)

Отец известный журналист, спецкор «Известий». Репрессирован в 1937. Провел в лагерях ГУЛАГа 5 лет. Умер в 1951 в журналистской командировке. А.А. тогда было 29.

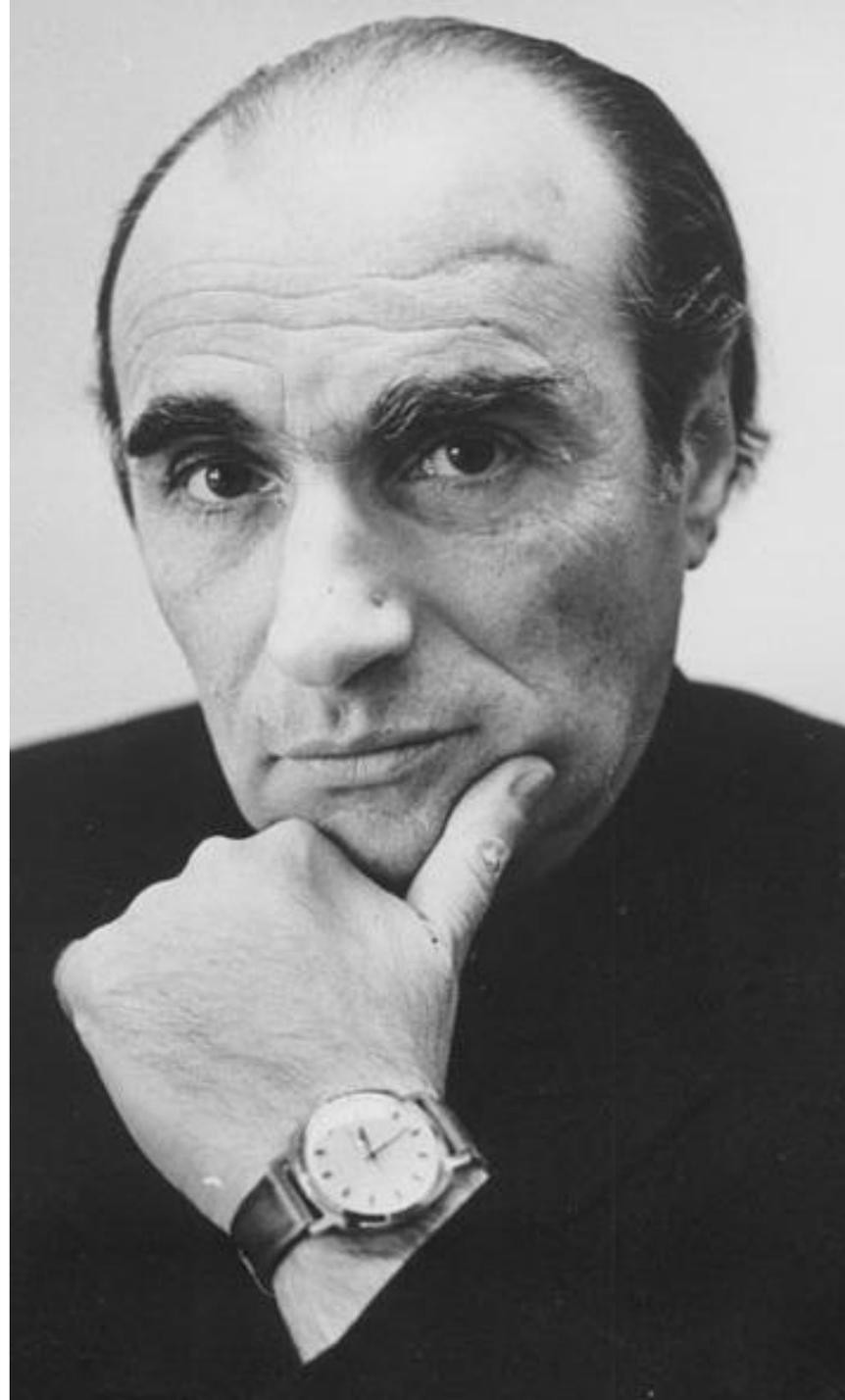
По образованию историк, высшие литературные курсы при Литинституте

Участник Великой Отечественной с 1943 года. После училища стрелков-радистов и Высшего авиационного училища штурманов-бомбардиров.

Разносторонняя художественная одаренность. Художник-мультипликатором, помощник кинооператора. Сценарист: «Им покоряется небо» (Т. Лиознова, 1963), «Иду искать» (1966).), писатель. Близок к бардовскому движению. Писал песни на стихи известных поэтов.

Публиковаться начал в «Литературной газете». В 1961 пришел в «Известия», газету, где работал отец. До конца жизни работал спецкором «Известий».

Написал вторую часть трилогии Л.И. Брежнева «Возрождение».

Пример отца.

Абрам Давидович Аграновский (1896-1951)

Участвовал в Первой мировой. Окончил медицинский институт в Харькове.

В гражданскую войну – комиссар полевого госпиталя, комиссар санитарной части 12-ой армии, инспектор Главного военно-санитарного управления РККА.

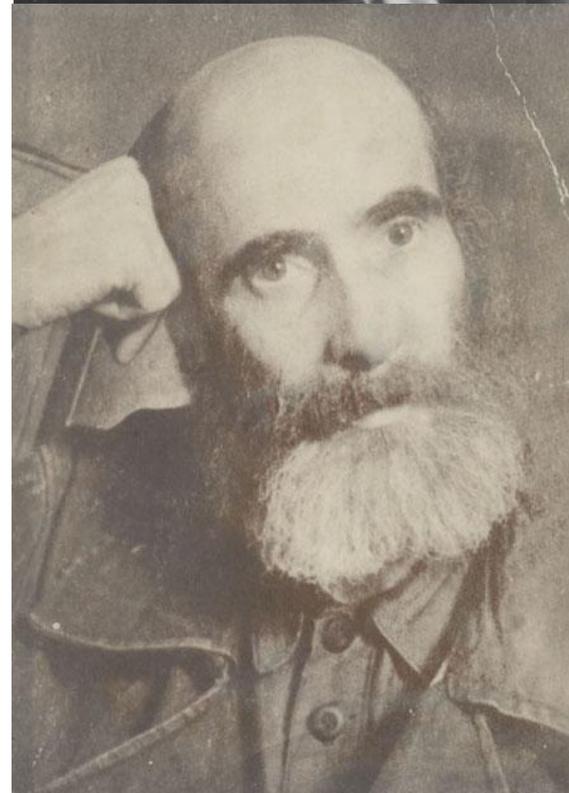
Корреспондент газет “Известия” и “Правда” (1930-1937 годы).

В 1937 году осужден на 10 лет за участие в "контрреволюционной троцкистской организации".

Вину не признал. Срок отбывал в Норильлаге. В 1941 году этапирован в Красноярск для переследствия. 8 месяцев просидел в одиночке подземной тюрьмы УНКВД КК, освобожден 3 июля 1942.

Скончался в 1951 в служебной командировке в селе Большое Баландино в Челябинской области.

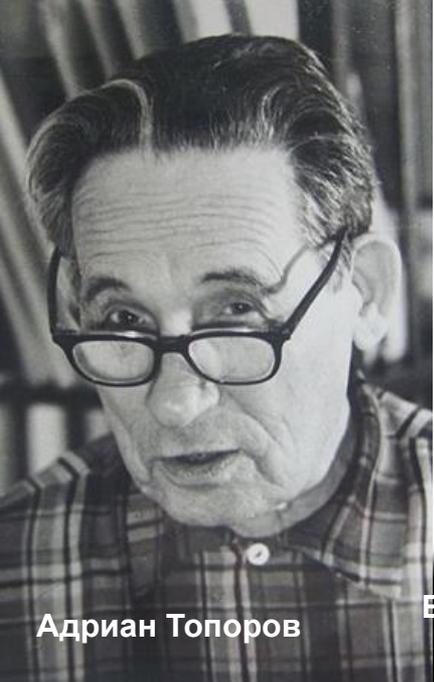
Отец всегда оставался примером мужества и мужественности для Анатолия Аграновского

С женой Галиной Федоровной Аграновской в 1957 году на Всемирном фестивале молодежи и студентов.

О своей жизни с Аграновским, о друзьях дома, поэтах, писателях, артистах, она написала книгу воспоминаний: Пристрастность (М.,2003)

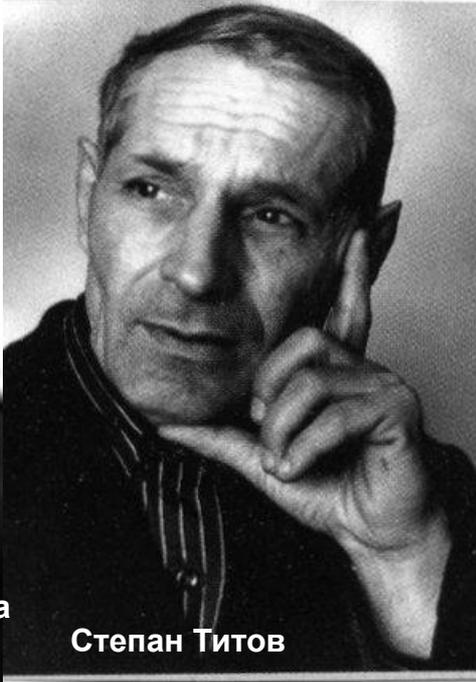

Адриан Топоров

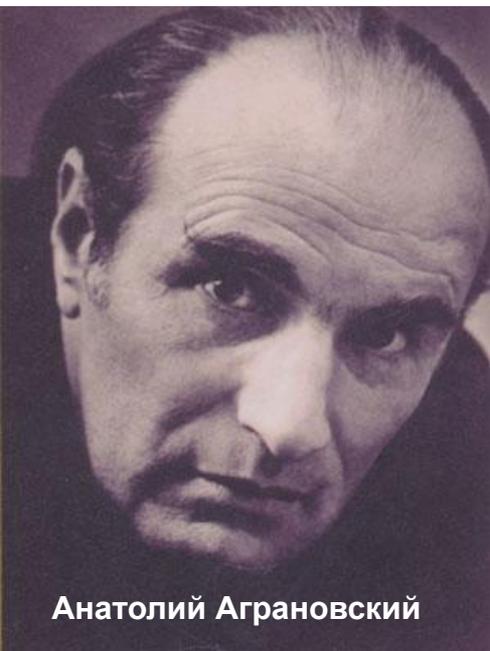
Безымянный гонитель Топорова

Степан Титов

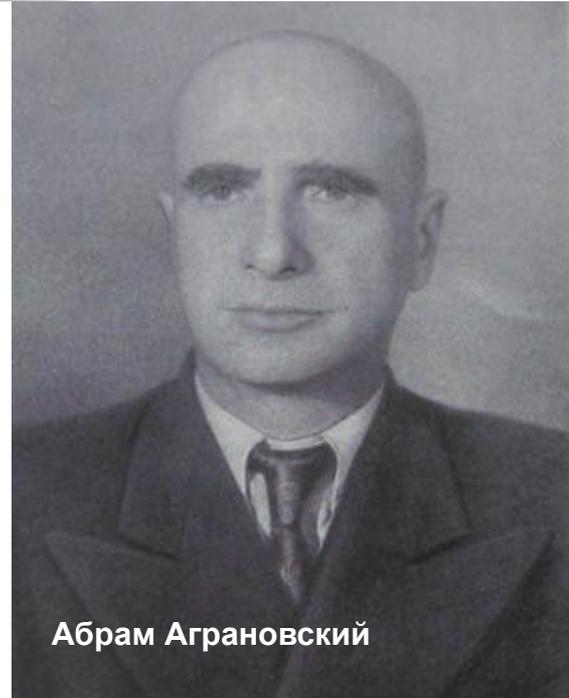
Герман Титов

Анатолий Аграновский

Очерк «Как я был первым» (1962): его герои и коллизии

Адриан Митрофанович Топоров. Учитель. Основал в 1920 году на Алтае коммуну «Майское утро». Топоров стоял во главе коммуны «Майское утро» двенадцать лет. В начале 30-х гг. на него обрушились обвинения в пропаганде идей непролетарских писателей. Да и в целом — в пропаганде чуждых пролетарскому классу идей. В результате этих обвинений Топоров был отстранен от преподавания, переезжал с места на место, в 1937 году был осужден на пять лет заключения и реабилитирован в 1958 году.

Абрам Аграновский

Антигерой Аграновского: человек системы, преследующий все, что выходит за ее рамки

- Жив, говорите, Адриан Митрофанович... Ай-яй-яй! Я думал, и косточки его истлели, да-а... Что ж, о теперешнем его не буду говорить: данных у меня нет. Может, он и исправился. Вон Алексей Толстой графом был, а пользу все ж таки принес государству. Зачем старое поминать? Но статейкой вашей вы, товарищ Аграновский, нам, старым борцам, плюнули в душу, да. Вся эта *топоровщина*...

- Скажите, есть у вас факты, хоть один, что Топоров был против советской власти? Ведь он коммуны строил, воевал с Колчаком.

Задумался мой собеседник. Настороженный, маленький, усохший какой-то, опирается тяжело на палку... Господи, сколько уж лет минуло, старики оба, а нет предела вражде, весь он пропитан старой злобой и продолжает обличать, скрипучий голос его наливается вдруг тонкой силой, а я втянут в спор, начатый отцом. Будто и не прерывался спор.

<...>

— Да-а, Топоров. Он на меня так смотрел всегда... Как все равно на стекло: видит и не видит. Гордый! Знал ведь, что я приехал неспроста, и я знал, что он знает, а ничем, видишь, не показал этого. Сквозь смотрел! Ну, ничего, материал мы все ж таки собрали. А уж когда перед КК и РКИ поставили его, тут я сидел в центре, а он перед нами стоял. Час целый стоял... Говорил-то он красно.

Вот главный подвиг жизни этого человека, предмет тайной гордости, да и не тайной даже — сказал же он мне об этом, до сих пор вспоминает с упоением: «Я сижу - он стоит». Что еще? Топорова из коммуны в конце концов выжили, с чтением книг покончили, оркестр разогнали, последнюю скрипку нашли на чердаке и сломали мальчишки что-нибудь году в тридцать восьмом, просто так...

Степан Павлович Титов сказал мне о гонителях Топорова: «Зависть, думаете? А умеют ли они завидовать? Это ведь тоже сильное чувство. Чтобы завидовать, надо хотя бы понимать величие того, чему завидуешь. Нет, это хуже зависти. Это желание извести, растоптать все, что лучше, умнее, выше тебя...; Как они только живут на свете?»

Я подумал: должно быть, и сейчас живы те, кто [организовывал травлю подвижников, кто их преследовал, разрушал их начинания].

А что мы знаем о них? <...> Мудро ли это - забывать гонителей? Я не суда требую, не наказаний – боже упаси, - но помнить, знать имена... Так думал я, а глянул на старика, сидящего передо мною, и понял вдруг, как не просто было бы для меня назвать здесь его подлинное имя. Ведь он стар и болен, и у него семья, и вот сейчас смотрит на меня, и дрожит за стеклами страх...

Не знаю, не знаю.

«Как я был первым» (1962): подвижничество и подлость... Публицистический «роман» Анатолия Аграновского

- Композиционно очерк построен как история в истории. Личный авторефлексивный смысл очерка: встреча с отцом в единстве служения общему делу. «Статью писал мой отец. <...> Но я написал бы то же самое. Слово в слово».
- «творить революцию в окружении головотяпов <...> трудно, потому что героев окружают завистники, потому что невежество и бюрократизм не терпят ничего смелого, революционного, живого» (Абрам Аграновский Гейне и Глафира //Известия. 1928.07.11)
- Концовка фельетона: «Давайте же запомним имя учителя: Адриан Митрофанович Топоров». «И я запомнил это имя с детских лет. - О нем, о Топорове, и шел у меня треть века спустя разговор с человеком, о котором я знал, что он-то и есть главный гонитель Топорова, антипод Топорова, кровный враг Топорова... Почему торопился я? Потому что глухая алтайская деревушка, где побывал когда-то мой отец, и стала большим селом, в котором я был накануне. Потому что при мне родители космонавта рассказывали журналистам о Топорове: он учил Титовых, вывел Титовых в люди. Я понимал, что завтра же это все появится в газетах, и тогда вряд ли человек, сидящий передо мной, захочет быть откровенным.
- Герой Аграновского – человек с новаторской идеей, с ощущением миссии, с готовностью работать ради общего блага. Подвижник. Человек с идеей.
- Антигерой – человек системы, стремящийся вогнать жизнь в прокрустово ложе стереотипов, параграфов и правил. Его личный мотив передан словами Степана Титова: «Зависть, думаете? А умеют ли они завидовать? Это ведь тоже сильное чувство. Чтобы завидовать, надо хотя бы понимать величие того, чему завидуешь. Нет, это хуже зависти. Это желание извести, растоптать все, что лучше, умнее, выше тебя».
- Сквозной сюжет публицистики Анатолия Аграновского: столкновение этих двух типов.

Учитель А.А. Куманев. Герой очерка «Лукояновский задор» (1963)

В город Лукоянов можно приехать из Москвы, а можно — из деревни Крапивки. От столицы путь недлинный: восемь часов поездом до Арзамаса и час автобусом. Из деревни добираться трудней: где пешком, где на лошади, где на попутной машине, если тракт не замело. От того, как въезжаешь в Лукоянов, зависит точка зрения. Житель столицы идет по улице, пустынной и долгой, вдоль серых заборов и деревянных домов, большей частью одноэтажных, и все ждет, когда же начнется город. Увидя на избе табличку «ул. Горького», ждать перестает. Стоят лошади на базарной площади, толкуются люди, народу мало, — в Лукоянове всего-то жителей десять тысяч. Выйдя на заснеженную Красную площадь, приезжий видит кинотеатр с колоннами, а за ним красный дом из кирпича — Лукояновское педучилище.

В училище приезжают студенты — из Мамлеева, Кельдюшева, Княжевки, Большой Ари, Крапивки; многие впервые покинули село. Ты глянь, какой большущий город! Магазины самые разные, фонари на площади, Дом культуры, райбиблиотека, столовая самообслуживания, кино с широким экраном. Даже и музей есть. А шуму-то на улицах, а народу, народу: говорят, целых десять тысяч.

Доктор Святослав Федоров. Герой очерка «Открытие доктора Федорова» (1965)

В этой статье я хочу рассказать о мечтаниях, поисках, срывах, удачах одного русского интеллигента. Судьба его, на мой взгляд, поучительна и не лишена самого живого интереса. Надо писать о докторе Федорове. Пора.

<...>

Обещан был рассказ об открытии доктора Федорова. Что ж, вы уже знаете, что в Архангельске создаются новые модели хрусталика, отличные от зарубежных. Но не будем спешить: это только первые шаги. Ведутся интересные эксперименты с «кератопротезом» (пластмассовой заменой мутной роговицы), но и тут делать выводы еще рано. Сделано шестнадцать операций с применением жидкого силикона; в одном из случаев, спасая безнадежный глаз, они заменили пластмассой до двадцати пяти процентов стекловидного тела, и глаз уцелел. Но пусть и об этих поисках судят сами ученые — им виднее.

Главное открытие доктора Федорова я вижу в другом: он сумел обратить на пользу своей науке действенную силу нашей новой морали, понял, что можно прийти к любому человеку и, если благородна цель и полезна Отечеству, человек обязательно поможет. Доктор Федоров открыл для себя советский образ жизни, открыл советский характер. И потому победил. Спасибо ему за это.

«Ожесточились мы, что ли?»

анализ симптоматики морального кризиса советского общества в очерках второй половины 1960-70-х гг

Тревожный вопрос оттепельной антропоцентричной журналистики: почему в обществе, построенном на самых гуманных основаниях, устремленном к самой высокой цели, мы видим признаки порчи человека?

Об очерке «Столкновение» (1964)

Однажды меня послали на станцию, где произошло крушение поезда. Пьяный тракторист разворотил рельсы. Машинист, увидев это, героически спас пятьсот человек, а сам погиб. В редакции задание сформулировали так: вы должны написать такой очерк, чтобы во всех депо повесили портрет героя-машиниста.

Очерк этого типа в конце концов появился. Только не в "Известиях", а в другой газете. И автором его был не я. Суть очерка заключалась в следующем: машинист увидел развороченные пути, в эту минуту вся жизнь пронеслась перед его мысленным взором, и он не мог позволить, чтобы женщины, дети, едущие за его спиной, погибли, и он пошел на смерть, спасая других людей.

Как человек я тоже свято верил, что так оно все и было. Но как журналист обязан был "подвергать сомнению". На паровозе я проехал тот же перегон, засекая время секундомером. Мы ехали с той же скоростью, и от того момента, когда помощник крикнул "Коля, держи!" до момента аварии прошло всего несколько секунд. Я понял, какой работой были заполнены они, что делал машинист, какой рукой крутил реверс, какой давал контрпар, останавливая поезд. Я говорил с помощником машиниста, который случайно остался жив, и он мне сказал, что выпрыгнуть машинист все равно бы "не управился". И если бы я написал: "перед его мысленным взором..." - я обманул бы дантистов, домашних хозяек, колхозников, но тех путейцев, которые должны были в каждом депо повесить портрет машиниста, - нет, не обманул бы.

Мне кажется, я понял в той поездке нечто гораздо более важное. У машиниста не было дилеммы - прыгать или не прыгать. (В Министерстве путей сообщения мне сказали, что за последнее время у нас не было ни одного случая, чтобы машинист выпрыгнул из паровоза, спасая свою жизнь, и погубил пассажиров.) Всей своей жизнью машинист был подготовлен к подвигу в высшем, толстовском понимании этого слова: человек делает то, что он должен делать, несмотря ни на что. Ему не надо было размышлять, взвешивать - он выполнял свой долг. И это правда. И правда оказалась сильнее.

Столкновение (1964)

- Двое жили в одном районе и, должно быть, ни разу не встретились в жизни. Только однажды пересеклись их пути, и одного повели после этого в тюрьму, а другого похоронили в красном гробу, и все паровозы на Графской проводили его гудками.
- Можно увидеть в их столкновении случайность, трагическое стечение обстоятельств. Мы с вами попробуем докопаться до закономерностей. Думаю, это будет полезней.
- Понятно, тут не было заранее обдуманного преступления. Тракторист именно не подумал, и это, быть может, страшнее всего. То есть он думал о чем-то, когда пил перед сменой, когда пьяный садился за штурвал, но потом, ночью, на рельсах, один на один с самим собой, он уже не размышлял. Тупость тут была, растерянность, страх, и сработал древний, как мир, звериный инстинкт самосохранения.
- <...>
- «На 64-м километре перегона Тулиново - Тойда произошло яростное столкновение двух укладов, двух жизненных позиций, если хотите, двух идеологий. Это очень серьезно. Куда серьезнее, чем может показаться на первый взгляд».

Очерк «**Вишневый сад**» (1973)

Тревожный вопрос оттепельной антропоцентричной журналистики: почему в обществе, построенном на самых гуманных основаниях, устремленном к самой высокой цели, мы видим признаки порчи человека?

«Тупосердие — вот этому имя; слово ввел А. И. Герцен, поразительно соединив в нем и тупость, и усердие, и бессердечие. Лучшего определения тому, что сотворил бригадир в украинском селе, я не знаю. И будь это тупосердие личным свойством одного человека, я, по всей видимости, не стал бы об этом писать».

Очерк «**Двумя этажами ниже/Отрезвление**» (1972)

Вишневый сад (1973)

«Тупосердие — вот этому имя; слово ввел А. И. Герцен, поразительно соединив в нем и тупость, и усердие, и бессердечие. Лучшего определения тому, что сотворил бригадир в украинском селе, я не знаю. И будь это тупосердие личным свойством одного человека, я, по всей видимости, не стал бы об этом писать».

<...>

Наше с вами дело, дорогой читатель, не присудить, а осудить.

Осудить морально этого человека и, в еще большей степени, окружение его.

Осудить то умонастроение, при котором возможным становится зло: дескать, не корысти ради совершено оно, а токмо во имя общего благосостояния.

Нет, уважаемые, не может быть блага, если обижен ребенок, если унижен человек. Нельзя приказать благосостояние. То, что почитаете вы заботой о деле, есть всего лишь погоня за ближней выгодой, за чистоганом. Примитивный меркантилизм, который очень далеко может завести. Вы человека забыли. Если в корень смотреть, все беспорядки в вашем саду проистекают оттого, что хозяин в нем один — бригадир. При такой постановке дела в одном развиваются куркульские черты, во всех остальных - черты поденщиков. И чем меньше хозяина в работниках, чем меньше подкреплено это чувство — организационно, экономически, нравственно,— тем выше надобны заборы.

Кто спорит, нужен урожай, и дело надо делать - не раз и я писал об этом,- но не любой ценой.

Нужны деловые люди, но л ю д и. И благосостояние нам необходимо, да ведь оно не одна сытость. Как ни важно повышать производство продукции на душу населения, куда важней для нас производство самой этой души. И будут центнеры, килограммы и рубли, но, бог ты мой, это же вишневый сад!..

Очерк «Двумя этажами ниже/Отрезвление» (1972)

Отношение к преступности как к серьезному социальному явлению.

В капиталистических странах есть социальные причины для преступлений, а у нас нету. Выходит, что мы, марксисты, признаем следствие без причины? Сделали это явление чисто милицейской проблемой. Нравственная наша система... У нас есть тенденция — ужесточать репрессии. Хотим мораль заменить законом. Человек бога не боится, черта не боится — пусть милиции боится. <...> Попы, грозя муками ада, обращались к очень важному инструменту морали. Чего человек боится, чем он живет?.. Мы преуспели в формировании идейности, патриотизма. Война подтвердила это. А это не то же, что мораль... Отменили религию, потом самую мораль... Потом начали воскрешать — «человек человеку друг» и проч. Нужна система нравственности. Кто думает об этом, о стройной этой системе? <...> Честность. Не убий. Не укради. Не возжелай жены ближнего своего. Что этому можно дать взамен? Христианскую мораль разрушили до основанья, а затем? Первые годы: старая мораль еще действовала и плюс революционный энтузиазм — двойная тяга. Затем война. А 45 - 75 годы, тридцать лет - этот отрезок подлинней, чем с 17-го по 41-й. Труд стал легче, мозолей меньше, свободного времени больше. Не соха, не лопата — экскаватор,.. Хлеб перестал потом пахнуть. Пропала забота о хлебе насущном. Новых нравственных ценностей не появилось... Вообще благодаря философии мы идейное отождествили с моральным. А это вещи разные. <...> Мы сформировали советского человека. Но человек не свая... Его надо поддерживать - нужны нравственные импульсы. <...>

Мастерство журналиста по Аграновскому: «всегда надо доверять жизни, описывать ее достоверно и просто...»

- **Социальная действенность работы журналиста.** Считаю очерк жанром «высоким», а работу очеркиста <...> необходимой для общества. Больше всего ценю возможность <...> помочь хорошему делу, воспрепятствовать ошибке, поддержать новаторов».
- **Отказаться от предвзятых идей и схем.** «Было время, публицист шел к своим героям за готовым. Он сам все знал наперед, ему требовалось всего лишь подтверждение. К людям шли за фактом, за цифрой. Лучшие шли за метким словом, за краской: взглянуть, какие руки у героя, увидеть его глаза и не пошло описать современника. Но очень редко шли за мыслью. Нынешний очерк так уже не может. Ненаигранный интерес к мысли, или, беря привычную формулу, к духовному миру современника, ведет публицистику многих наших журналистов. С другой стороны, отходят на второй план всякого рода беллетристические завитки и украшения, призванные скрыть безмыслие».
- **Найти и понять проблему.** «Если говорить обо мне, то я чаще пишу очерки проблемные. И для меня в работе сложнее не собрать, а понять материал, обобщить, обдумать, прийти к определенной идее. В публицистике все важно — композиция, язык, умение написать пейзаж, диалог, портрет,— но главным я считаю смелую мысль, верную идею. В этом основа мастерства журналиста.
- **Очеркист должен быть социальным исследователем.** В положительной публицистике тоже нужны резоны, нужны доказательства, проверка фактов, говоря профессиональным языком, нужно расследование подвига. Не хочу вникать в недавний спор о легендах и фактах. Но, по-моему, очевидно, что сегодня новых легенд сочинять не следует. Если есть возможность в мирное время все проверить, значит, это нужно сделать. А легенды нынче сочиняют ленивые и нелюбопытные люди, которым неинтересно, что было на самом деле, и лень это узнать.
Точность и достоверность изложения. «...разделяю мысль о вреде «инсценировки» в очерке. Как только начинаются всевозможные «и вот он вспомнил», «и перед его мысленным взором пронеслось», и прочее, тут же, как писали в старину, перестает искренность. Очерковая литература <...> конечно же, жива фантазией, воображением, но, как говорится, мухи — отдельно, котлеты — отдельно. Я часто вспоминаю партизанского разведчика (у Вершигоры), который донесения неизменно делил на три части: «Видел сам. Говорят. Предполагаю». Вот так примерно и должен работать писатель, если берется за очерк». (Из письма литератору, 1976).
- **Личность журналиста открывается в новаторской мысли.** «Еще несколько лет назад шли споры о том, как писать: "я" или "мы". Редко кто отваживался на "я". Сейчас спора нет, сейчас все очеркисты пишут "я". Но уж коли так, то не пиши: "Я думаю, что Афины - город контрастов" или "Я был в Астрахани и лично убедился, что Волга впадает в Каспийское море". Если уж "я", так ты должен увидеть то, чего до тебя никто не увидел, найти факт, какого никто еще не нашел, высказать мысль новую и незатертую».